

**ПУШКИНСКИЙ КРЫМ С НАТУРЫ:
ПЕРЕИЗДАНИЕ КРЫМСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ
ИЗ БИБЛИОТЕКИ А. С. ПУШКИНА**

Статья знакомит читателя с русскоязычной версией первого крымского путеводителя, опубликованного в 1834 г. и подаренного автором А. С. Пушкину. Русскоязычная версия книги (2011) позволяет увидеть подробную панораму Крыма пушкинской поры. В статье прослеживается история легендарного путеводителя, а также исследуется биография его автора.

Ключевые слова: Крым, путеводитель, Пушкин, литература, крымоведение.

V. V. Oreckhov

**PUSHKIN'S CRIMEA FROM NATURE:
REPUBLICANING OF THE CRIMEAN GUIDE FROM
THE PUSHKIN'S LIBRARY**

The article introduces the reader to the Russian-language version of the first Crimean guide, published in 1834 and presented by the author to Alexander Pushkin. The Russian version of the book (2011) allows you to see a detailed panorama of the Crimea of Pushkin's time. The article traces the history of the legendary guide, as well as investigates the biography of its author.

Key words: Crimea, guide, Pushkin, literature, krymovedenie (the Crimea-studying).

В нашем сознании Крым пушкинской поры — это, прежде всего, литературное отражение, испытавшее на себе сильное воздействие литературных традиций, мифологических наслоений, авторской субъективности и т. д. Это закономерно, поскольку открытие Крыма для России в ту эпоху осуществлялось (если исключить фрагментарные научные описания) посредством литературы и литераторов. Тем более уникальной для нас оказывается книга одного из современников А. С. Пушкина, который отважился решить трудновыполнимую по тем временам задачу: запечатлеть панораму полуострова, отрешившись от литературной и индивидуальной «оптики».

Речь идет о сочинении Шарля Монтандона «Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым» [17]. Книга вышла в свет в Одессе в 1834 г. на французском языке и стала первым в истории путеводителем по Крыму.

Книга включала самый разнообразный материал как об истории и экономике Крыма, его этнической и культурной палитре, о природных феноменах, так и о множестве населенных пунктов, предлагая читателю маршруты, позволяющие в полной мере оценить все достопримечательности полуострова. Заметим, что все маршруты были продуманы и пройдены самим Монтандоном и зачастую пролегали по малоизвестным горным дорогам и малоизвестным лесным тропам, через забытые пещерные

города и обширные плато яйл. В отношении многих параметров «Путеводителя...» следует употреблять наречие «впервые»: здесь впервые разработаны и подробно описаны маршруты для путешествий по Крыму, впервые обобщены и скомбинированы в удобной форме самые разнообразные сведения о полуострове, впервые собран каталог произведений о Крыме, впервые составлен французско-крымскотатарский разговорник и т. д. В результате «Путеводитель...» оказался уникальным пособием для всех, кто Крым изучал и по Крыму путешествовал.

В качестве иллюстрации приведем характерный эпизод из путевых записок А. Н. Демидова по Югу России. «Нас посетил господин Монтандон, — сообщал Демидов о своем пребывании в Симферополе в 1837 г., — автор полезной книги “Guide du voyageur en Crimée”; он родом из Швейцарии и, поселясь в Крыму, кажется, основательно изучил этот полуостров; суждения его весьма добросовестны. Мы много воспользовались ими для объяснения некоторых предметов нашего наблюдения; даже и некоторые мнения, принятые уже публикою, должны измениться» [11, с. 221].

А вот еще любопытное свидетельство — из «Воспоминаний...» сестры милосердия Е. М. Бакуниной. Родовитая дворянка, Екатерина Михайловна Бакунина в 1855 г. ухаживала за ранеными в Севастополе, а после падения города ей было поручено сопровождать госпитальные обозы от Симферополя до Перекопа. Тогда этот путь занимал 6 дней. Значит, раненых нужно было несколько раз разместить на ночлег, обеспечить питьевой водой и всем необходимым. А для этого, в свою очередь, приходилось обращаться за помощью к местному населению. Для столичного человека, плохо знающего Крым, это задачи не самые простые. В такой ситуации книга Монтандона становилась бесценным подспорьем. Прочитируем эпизод из «Воспоминаний...» Е. М. Бакуниной — о ночлеге в татарском доме: «Татарин, татарчонок лет десяти, еще две татарки <...> хлопочут, чтобы развести самовар лучинами. Татарин режет их, а девочка подает, а я, с Монтандоном в руках (Guide du voyageur en Crimée), разговариваю с татаринцом, спрашиваю, скоро ли у него будет марушка (жена). <...> Все хохочут над моим татарским языком. <...> Мы в этой сакле большие приятели; старик хозяин, провожая нас, кричит: “Твой у моя!” А я отвечаю: “Якши!”» [1, с. 532]. Этого общения могло бы и не состояться, не будь в руках у Бакуниной книги Монтандона, в которую включен крымскотатарский словарь.

Трудно оценить в полной мере то значение, которое имел «Путеводитель...» Монтандона для популяризации и освоения Крыма. Текст этой книги давно вплелся в полотно художественной, документальной и научной литературы о Крыме, и многие фрагменты «крымского текста» позднейших эпох являются отзвуками первого путеводителя по Крыму. В общественном сознании XIX в. Ш. Монтандон оказался в ряду известнейших исследователей Крыма. Очень колоритно, хотя и несколько курьезно, этот «крымоведческий статус» характеризовался высказыванием архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. В начале 1850-х гг. Таврическая епархия начала добиваться права на владение участками севастопольской земли, дабы увековечить память о крещении князя Владимира. В связи с этим архиепископ Иннокентий подготовил «Записку...» с проектом восстановления древних святынь Крыма и убеждал: «Таврида наша, с горами своими и священными воспоминаниями, кои пришли в забвение у православной России только по невниманию к ним гг. Кёппенов и Монтадонов (говоря сие, нисколько не думаем отнимать их ученого достоинства), представляет к тому единственное средство» [14].

Сегодня для всех изучающих Крым «Путеводитель...» Монтандона представляет особую ценность, поскольку фиксирует множество деталей, формирующих документальный образ полуострова эпохи 1830-х гг. XIX в. В «Путеводителе...» представлены подробные сведения о крымских селениях и усадьбах, которые повстречаются на пути путешественника, о личностях, с которыми путешественнику было бы любопытно и полезно завести знакомство, о сельскохозяйственных угодьях крымских помещиков, о качестве транспортных средств, о ценах на постоянных дворах и в харчевнях и т. д. — то есть те сведения, которые нынешнему читателю могут быть доступны только благодаря книге Монтандона.

Необходимость перевода этой книги на русский язык была осознана давно. Впервые предложение о русскоязычном издании прозвучало сразу после выхода «Путеводителя...», но тогда этот проект не осуществился [5, с.110], и лишь в 2011 г. исследователи и путешественники получили возможность прочесть полностью знаменитый «Путеводитель...» по-русски.

Впрочем, попытка издать русскоязычную, хоть и не полную, версию книги уже предпринималась. «Путеводитель...» Монтандона прочно связан с именем А. С. Пушкина. В личной библиотеке поэта сохранился экземпляр с дарственной надписью: «A Monsieur A. Pouchkine homage de l'Auteur. Odessa 3 Avril 1834» [Господину А. Пушкину с уважением от автора. Одесса, 3 апреля 1834 г.]. Кроме того, заметно, что Монтандон, готовя текст «Путеводителя...», рассчитывал на возникновение читательских ассоциаций с пушкинским «Бахчисарайским фонтаном». Монтандон включил поэму в свой каталог сочинений о Крыме, а в качестве эпиграфа к «Путеводителю...» выбрал четверостишие из «Бахчисарайского фонтана»:

*Волшебный край, очей отрада,
Все живо там: холмы, леса
Янтарь и пурпур винограда,
Долин приютная краса!*

Итак, «Путеводитель...» представляет нам Крым таким, каким его увидел А. С. Пушкин; русскоязычное издание книги, конечно, было необходимо для пушкинистов. И такое издание состоялось в Симферополе в 1997 г. [6] Перевод с французского языка на русский, историко-краеведческий комментарий подготовили крымские авторы. Исследователями крымской старины это издание часто и продуктивно используется, но имеет серьезные недостатки, основной из которых — неполнота текста. Поскольку выбор переведенных глав был обусловлен тем, что публикация готовилась к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, внимание было сосредоточено лишь на «пушкинских местах»: от Керчи до Перекопа. В результате более половины оригинального текста «Путеводителя...» не было переведено и опубликовано. Кроме того, перевод пестрел опечатками и ошибками, а крымоведческие комментарии были далеко не настолько подробны и исчерпывающи, насколько это позволял сделать профессионализм комментаторов, будь они свободны от временных ограничений.

Между тем работа над текстом «Путеводителя...» продолжалась, что позволило в 2011 г. реализовать качественно новый издательский проект. Коллектив исследователей не просто создал полную русскоязычную версию «Путеводителя...», а снабдил книгу уникальными примечаниями, превратив ее тем самым в своеобразную энциклопедию Крыма XIX в.

Личность самого Монтандона настолько колоритна и значима для истории Крыма, что заслуживает отдельного разговора.

Одним из слабых мест в неполном русскоязычном издании «Путеводителя...» 1997 г. было почти полное отсутствие биографических сведений об авторе — Монтандоне. Не зная полного имени, мы не могли правильно прочесть его инициалы, обозначенные латинскими литерами «С» и «Н»: «С. Н. Montandon». Тогда мы остановились на том, что первый букву в инициал автора «Путеводителя...» следует обозначать в русском переводе буквой «К»; второй инициал пришлось вообще пропустить, поскольку по букве «Н» угадать имя весьма проблематично.

Недостаток информации о Монтандоне во многом был восполнен лишь через год после издания русскоязычного «Путеводителя...» 1997 г., когда историк из Одессы Олег Губарь откликнулся на выход книги объемной статьей «Янтарь и яхонт» в одесской газете «Вестник региона» [4]. К тому времени исследователь уже давно занимался поиском материалов, связанных с жизнью Монтандона, и, по признанию самого автора, статья «Янтарь и яхонт» стала обобщающим итогом почти двадцатилетних поисков, нацеленных на изучение биографии Монтандона. Позволю себе изложить здесь те исключительно любопытные и ценные факты, которые удалось обнаружить одесскому ученому.

Прежде всего, оказалось, что Монтандон был подданным Швейцарии. Это следует из публикации 1824 г. в трех августовских номерах газеты «Journal d'Odessa» (№ 88–90), где «Карл Монтандон» упоминается среди одесситов, желающих получить паспорт для поездки по империи [4, № 30]. О. Губарь пишет при этом, что обнаруженная публикация открывает для нас еще и имя Монтандона — «Карл (Шарль)» [4, № 30]. На каком основании исследователь сделал вывод о вариативном звучании имени? Думается, логика рассуждений была следующей.

Древнегерманское имя Карл является источником и наиболее обрусевшим вариантом нескольких национальных западноевропейских имен, а потому в России XIX в. именем «Карл» вполне могли называть не только немца Карла (Karl), но и англичанина Чарльза (Charles), и испанца Карлоса (Carlos), и француза Шарля (Charles). Однако заметим, что в современной переводческой практике действует правило, в соответствии с которым при транскрибировании личных имен за основу берется родной язык носителя имени [2]. Если судить по языку, которым написан «Путеводитель...», и по фамилии, то Монтандон был французом, а стало быть, его имя должно читаться как Шарль.

Но есть и контраргументы. Во-первых, для Монтандона родными могли быть и французский, и немецкий языки, что для Швейцарии не редкость. А книгу он написал на французском языке по той простой причине, что этот язык был в России в более широком употреблении, нежели немецкий. Во-вторых, современные правила транскрибирования иностранных имен перестают действовать, когда приходится сталкиваться с устоявшейся традицией. Если выяснится, что во множестве документов, в устной речи той поры Монтандон звался Карлом, то нам придется остановиться на этом прочтении имени. Однако мы до сих пор не располагаем ни значительным запасом таких источников, ни сведениями о немецком происхождении Монтандона, и, думается, будет правильным называть Монтандона Шарлем.

Что касается второй буквы инициалов («Н»), то в одной из публикаций О. Губарь прочитывает по нему имя *Генрих* [3, с. 52]. К сожалению, исследователь не

ссылается при этом ни на какие документы. В некоторых краеведческих источниках предлагается также вариант Шарль Анри Габриель Монтандон, но документальных подтверждений правильности и этой транскрипции пока обнаружить не удалось. Так что приходится остановиться на том, что пока мы можем прочесть (да и то вариативно) лишь одну букву инициалов швейцарского автора.

Чтобы выяснить, когда и каким образом швейцарец Монтандон оказался в Одессе, мы обратились за помощью к научному сотруднику Института археологии и антиковедения при Лозаннском университете Паскалю Бургундеру. Ему удалось выяснить, что фамилия Монтандон — одна из весьма распространенных в швейцарском кантоне Невштал. В 1913 г один из Монтандонов F.-J. Montandon (Ф.-Ж. Монтандон) опубликовал в Женеве книгу «Les Montandon. Origine. Histoire. Généalogie» [«Монтандоны. Происхождение. История. Генеалогия», посвященную знаменитым представителям рода, среди которых встречаются бургомистры и офицеры, священники и ювелиры. Упоминаются в книге и четверо братьев по фамилии Монтандон, которые служили в армии Наполеона, участвовали в Московском походе и после разгрома французских войск остались в России. Вполне возможно, что один из этих Монтандонов, обосновавшись в Одессе, и стал автором «Путеводителя путешественника по Крыму».

О жизни и деятельности Ш. Монтандона в Одессе мы знаем более. В энциклопедическом словаре «Русское масонство 173–2000» упомянут некий Х (К.). Г. И. Монтадон, который 11 августа 1813 г. получил диплом 3-й степени от ложи Неподкупных друзей в Св. Дуке. 16 апреля 1821 г. этот Монтандон посетил в Одессе Ложу Эвксинского понта, которая функционировала с 1817 по 1822 г. [13] В глаза бросается то, что инициалы Монтандона-масона не совпадают с инициалами автора «Путеводителя...». Однако, как предполагает директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И. В. Тункина [14, с. 524–525], инициалы, приведенные в энциклопедическом словаре, могли быть случайно искажены при переводе их с латиницы. Если это действительно так, то первое документальное свидетельство о пребывании Ш. Монтандона в Одессе следует отнести к весне 1821 г.

Первое газетное упоминание о бытности Монтандона в Одессе относится к 1823 г. В «Journal d' Odessa» за 24 ноября 1823 г. О. Губарь обнаружил имя Монтандона в сообщении о людях, получающих грузы в Одесском порту: для Монтандона на русском бриге «Афина» из Франции было доставлено «пять ящиков различных товаров» [4, № 31].

Напомним, что летом 1824 г. Монтандону как человеку, постоянно живущему в Одессе, был выдан паспорт для поездки в обе российские столицы. Архивные документы свидетельствуют, что в сентябре-октябре следующего, 1825 г., Монтандон вместе «с женою Генриеттою» был причислен ко второй гильдии одесского купечества, получил свидетельство на право торговли и билеты на три торговые лавки. Тогда капитал швейцарского купца оценивался в 20 тысяч [4, № 31].

Основываясь на этой информации, О. Губарь делает вполне основательный вывод о том, что, находясь в Одессе в одно время с Пушкиным, Монтандон по роду своей деятельности неизбежно должен был посещать дома крупных коммерсантов: Ризнича, Лучича, Сикара и др. То есть те дома, где бывал и Пушкин. Это не доказывает, но делает очень вероятным факт знакомства Монтандона с Пушкиным, а это в свою очередь объясняет тон письма, отправленного Монтандоном Пушкину гораздо

позднее, в 1834 г., вместе с подарочным экземпляром «Путеводителя...»: «Милостивый государь, прошу вас соблаговолить принять эту книгу взамен того, что я у вас похитил *предумышленно*.

Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в совершенном уважении, с которым я имею честь быть, милостивый государь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой. Монтандон, Одесса, 1 апреля 1834.

Я поселился в Симферополе. Если вам понадобятся какие-либо сведения или что другое, прошу вас вполне располагать мною» [12].

В 1825 г. Монтандон, видимо, очень активно занимался развитием своих коммерческих проектов. Во всяком случае, в Областном архиве Одессы литературоведу Г. Д. Зленко удалось найти упоминание о двух существовавших некогда папках: «Об учреждении торговой Одесской черноморской компании купца Монтандона (так в документе. — В. О.)» и «Об учреждении в Одессе компании купца Монтандона для приготовления и отправки в чужие края муки» [5, с. 112].

Один из первых историков Одессы А. Скальковский упоминает, что в 1828 г. Монтандон был пассажиром на пароходе «Одесса», который совершал свой первый рейс. По сведениям Скальковского, Монтандон «открыл в Крыму мраморные и порфирные ломки, из которых выстроен прекрасный домик в Алушке и высекают прелестные вазы в Симферополе» [5, с. 112].

Начало 1830-х ознаменовалось для Монтандона, кроме подготовки к изданию «Путеводителя...», историей, которая характеризует колоритным образом и самого Монтандона, и крымскую жизнь той эпохи. Судя по цитируемому ниже документу, осенью 1831 г. супруга инспектора врачебной управы Таврической губернии Петра Ивановича Ланга Июстиния (Устиния) Андреевна Ланг покинула мужа и стала «почти открыто» жить в Симферополе с иностранцем Монтандоном. В ответ на это г-н Ланг принялся писать жалобы местному начальству, а в 1835 г. обратился с челобитной к самому начальнику III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. Вот русскоязычная копия этого письма, написанного по-немецки, обнаруженная Олегом Губарем в Одесском областном архиве:

«Вам известно испытываемое мною с 1831 года несчастье через расстройство с неблагодарною моею женою. Знаете также и то, что удар сей последовал после 17-летней, казалось, счастливой супружеской жизни, украшенной пятью свидетелями взаимного счастья <...>.

По обязанности моей как инспектор врачебной управы, я должен был в 1830 году, во время свирепствования чумы в Севастополе, жить там 6 месяцев, и после еще, в начале 1831 года, находиться два месяца в губернии, для взятия предохранительных мер от появившейся там холеры.

В столь продолжительное мое отсутствие легкомысленная моя жена познакомилась с странствующим по Крыму негоциантом Монтандон (из Невшталъ, в Швейцарии), или, лучше сказать, с обанкротившимся купцом; человек сей, успевая во всех частях земного шара в обманах, успел также обмануть и уговорить жену мою, и она, пользуясь отсутствием моим, 29 ноября 1831 года оставила дом мой и с того времени почти открыто живет сначала в городе Симферополе, а теперь в имении, мною ей подаренном, близ Симферополя, под бесстыдным и пагубным влиянием развратителя Монтандона <...>.

Не преследуемая законами жена моя, действуя всегда по внушениям Монтандона, намеревается, продав все имение, мною ей подаренное, оставить Крым единственно для того, чтобы Монтандон свободно мог распоряжаться деньгами. Вы знаете, что жена моя, беднейшего отца дочь и в приданое ничего не получила, но несколько лет назад тому мать ее продала свое имение в Херсонской губернии за пятнадцать тысяч рублей и отдала ей, — Монтандон по времени успел вымануть у нее те деньги и еще заставил ее задолжать в Приказе пятнадцать тысяч рублей. Ежели Великодушный наш Государь и добрый граф Александр Христофорович Бенкендорф меня и детей моих не защитят, то Монтандон у жены моей все отберет. Распоряжаясь и теперь имением по своему произволу, он доходами уплачивает долги свои, нажитые во Франции и России, до ста тысяч рублей — и без связи сей давно бы ему сидеть в тюрьме.

От жандармского полковника Гофмана можно узнать, что сей безнравственный человек, приехав в Одессу назад тому 10 лет с молодою парижанкою, чужими деньгами и обманом живя, великолепно успел обмануть первых особ, был везде принят с нею и, наконец, потеряв кредит, продал или уступил жену свою другому негоцианту Кортацию, уплатившему долги Монтандона, заключавшиеся в двадцати семи тысячах рублей, и после того говорил везде, что она не жена его, а публичная женщина из Парижа, — представьте же себе весь срам первоклассных одесских дам, принимавших ее как г-жу Монтандон. Сей поступок обнаруживает в нем в высшей степени безнравственного и дурного человека, чего, к несчастью, здешнее начальство не хочет знать.

Но вот обстоятельство еще важнее: когда 1831 года в его отечестве, Невшталь, открылся бунт против прусского правительства, Монтандон хвалился, что главные лица возмущения в Невштале — его приятели; и, следовательно, может статься, что он про французскую пропаганду знает!

Здешний жандармский полковник Вадов и все общество города Симферополя знают, что у Монтандона совершенно нет никакого способа к жизни, никакого занятия и что он живет праздно и обманывает жену мою <...>.

Для исправления заблудшей моей жены, для счастья не моего, а хотя детей моих, есть средства следующие: 1-е; нарушителя семейного спокойствия и притом подозрительного бродящего вояжера Монтандона выслать за границу, и ему как космополиту обеих гелиосфер нетрудно будет расстаться с Крымом. 2-е; разлучить жену с дочерьми, если со мною жить не пожелает, но с тем, чтобы она не могла выехать из Крыма без моего согласия и, не продавая имений, жила бы в одном из них по ее выбору. 3-е; оба имения, как мною ей подаренные, оставить под моим управлением, но под опекою так, чтобы одну половину доходов с имений, то есть четыре тысячи рублей, выдавать ей на содержание, а другую половину отдавать в Приказ общественного презрения в пользу детей моих» [4, № 33].

Очевидно, что не стоит однозначно принимать на веру слова г-на Ланга — супруга не только оскорбленного, но и опасующегося потерять семейные владения. Тем более что у нас есть возможность познакомиться с точкой зрения другой стороны — т. е. самой г-жи Ланг. Откуда получаем эти сведения?

Весной 1841 г. в имении г-жи Ланг близ Алушты гостила французская путешественница и поэтесса Адель Омер де Гелль. История хозяйки имения настолько захватила иноземную гостью, что попала в весьма подробном изложении в ее книгу

путевых впечатлений «Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale» («Путешествие в прикаспийские степи и южную Россию»), опубликованную в 1860 г. в Париже. Причем Адель Омер де Гелль сообщает, что подробности личной драмы г-жи Ланг она слышала из уст самой г-жи Ланг и ее старшей дочери. Впрочем, имена главных участников событий французская путешественница не называет, а г-жу Ланг переименовывает из Июстинии в Аксинью (Axinia). Пр процитируем лишь несколько фрагментов:

«Через несколько часов мы прибыли в Улу-Узень, имение баронессы Аксиньи, чья романтическая судьба долго занимала Южный берег.

Отвергнутая обществом из-за происшествия, разбившего ее жизнь, она несколько лет тому назад обрекла себя на абсолютное уединение, принимая лишь редких иностранцев <...>.

Очень юной выданная замуж почти за старца (барона де ***, ливонца по происхождению), прекрасная Аксинья многим внушала страсть и была обязана этому дару (часто завидному, но всегда фатальному) весьма бурной жизнью. В свою очередь, она тоже полюбила и была застигнута во время свидания супругом, который повел себя в этих обстоятельствах, подобно всем ревнивым мужьям. Он нанес ей сильный удар кинжалом, след которого она носит на плече, а любовника убил наповал. Весь Крым был взволнован катастрофой, которая походила скорее на заимствование из последних страниц современного романа, нежели из нравов страны, немного чопорной в отношении галантности.

Между супругами немедленно последовал разрыв. Барон выделил из своих огромных владений часть, позволяющую его жене устроить великолепное поместье, и присовокупил к этому щедрому дару приличный пенсион. Кроме того, в качестве утешения она сохранила подле себя младшую из дочерей и героически решила дальше жить лишь воспоминаниями, сберегая тайну своих скорбей и, быть может, угрызений совести.

Когда я приехала в Улу-Узень, десять лет минуло после катастрофы, и в течение этого срока баронесса никогда не ступала за пределы своего имения. Следует заметить, что подобная сила воли у женщины красивой и очень модной искупает ошибки и, более того, свидетельствует о натуре необыкновенной.

Ее супруг жил в Симферополе, довольствуясь тем, что раз в год принимал у себя юную дочь, и не изъявлял ни малейшего желания видеть ее мать, питая неодолимое отвращение к Улу-Узени, где свершилась драма — роковая причина их разрыва» [9, с. 211–212].

Ясно, что мы имеем дело с интерпретацией, созданной г-жой Ланг и разукрашенной воображением французской писательницы. Факт убийства «молодого любовника» по понятным причинам следует отменить сразу. А в историю о том, что г-жа Ланг с момента супружеского разрыва, то есть с 1831 г., вела уединенную жизнь в Улу-Узени, можно верить лишь отчасти, поскольку, как помним, еще в 1835 г. муж Июстинии Андреевны жаловался начальству на ее совместное жительство с «развратителем Монтандоном» в имении возле Симферополя. Но, кажется, вполне стоит верить в то, что неприязнь к г-ну Лангу сохранилась в душе его супруги надолго. Вот одна из сцен, описанных Омер де Гелль: «<...> Моя спутница сильно побледнела и жестом указала мне на портрет мужа и на свой <...>. Я долго рассматривала надменное и мрачное лицо барона. Решительные, сильно выделяющиеся черты его лица

являли эмблему грубой силы, и я почувствовала себя объята дрожью, когда представила, что должна была выносить его жена в первые годы брака. Все прошлое этой женщины оправдывалось черствым и суровым обликом ее супруга.

Сжав руки у груди, баронесса была, если можно так выразиться, одурманена избытком горечи, почерпнутой из этого грустного созерцания. «Вот, — произнесла она с тенью помрачения, — взгляд, который леденил меня; уста, с которых срывались только слова насмешки и презрения; грудь, в которой никогда не билось благородное сердце; рука...». <...> Она рассказала мне простую, но волнующую историю обо всем, что ей пришлось перенести, с силой описав несчастье девушки, отданной за человека, сердце которого истощено тысячей любовных связей, душа которого развращена, и который мог подарить супруге лишь дружбу, основанную на привычке, — чувство слишком недостаточное для юного сердца, жаждущего любви» [9, с. 215].

Следует признать, что хозяйка Улу-Узени сумела найти полновесный ответ бывшему супругу: если из писем Ланга репутация «развратителя» закреплялась за Монтандоном только в глазах начальства, то с подачи Июстинии Андреевны и при посредничестве Омер де Гелль г-н Ланг был запечатлен в тексте, изданном в Париже и известном в Крыму, в Одессе, во всей России, как человек, «который мог подарить супруге лишь дружбу, основанную на привычке».

Впрочем, не стоит воспринимать Июстинию Ланг в роли циничной мстительницы. Когда речь идет о делах давно минувших, тайных, обросших легендами, понятно, что они дошли до слуха Омер де Гелль с чужих слов — с множеством искажений и домыслов. Но те детали, которые французская путешественница наблюдала собственными глазами, наверное, заслуживают большего доверия. Это касается, например, описаний, передающих настроение и душевное состояние г-жи Ланг: «С самого начала моя хозяйка показалась мне нрава робкого и немного дикого — результат образа жизни, совершенно оправданного ее положением. Но спустя несколько дней скованность исчезла, а вскоре между нами установилась настоящая задушевность <...>. Видя ее столь свежей, столь спокойной среди ее цветов и птиц, поначалу я посчитала ее совершенно счастливой, но позже в этом горделиво замкнутом сердце я распознала скрытую горечь и постоянную боль. Поэтическая натура не по образу тех, кто пишет стихи, а благодаря манере все идеализировать, она умела придавать странную прелесть самым обычным в жизни вещам. Все испытывали влияние этого исключительного характера: ее слуги, дочь, редкие соседи только и искали средства угодить ей, сделать ее жизнь приятной и счастливой. <...> Крепкая воля, сознание собственной силы с некоторой тенью задумчивости делали ее неотразимой» [9, с. 213].

В описании Омер де Гелль г-жа Ланг выглядит личностью весьма обаятельной. Обратимся еще к одному свидетельству; на него при характеристике Июстинии Андреевны опирается О. Губарь. В 1820 г. Симферополь посетил Г. В. Гераков, описавший город и многих горожан в своих «Путевых заметках...». Гераков был знаком с семейством Лангов и среди прочего записал, например, следующее: «Тут же была гостья, госпожа Ланг, супруга доктора, лет за двадцать, прекрасная женщина с красотой, и у нас в Петербурге остановила бы каждого, и нежный пол, разумеется, завистливый, отдал бы ей справедливость: и стан, и взгляд, и все мило в ней; муж ее, приехавший после, человек степенный и молчаливый...». А вот еще: «Вечер просидел у любезной Л.; она была обворожительна, окружена тремя малолетними деть-

ми...» Или: «С 12-го до 2-х часов сидел у прекрасной Л. Откровенность, любезность, кротость, скромность сидели с нами; мне весело и сердцем и душою» [4, № 33].

Если в 1820 г. г-же Ланг было «лет за двадцать», то в 1831, когда она сошлась с Монтандоном, ей было лет за тридцать, а в 1841, когда она познакомилась с Аделью Омер де Гелль, — лет за сорок. Нет никакого противоречия в том, что молодая женщина, поразившая Геракова своей красотой, кротостью и откровенностью, смогла двадцать лет спустя покорить французскую путешественницу и сохранившейся красотой, и тою же кротостью, и тою же откровенностью, и воспитанным жизнью волевым и горделивым характером. Характеристики, данные здесь Гераковым Лангу — «степенный и молчаливый» — так же не противоречат портрету, обрисованному Омер де Гелль. Словом, при неточности деталей в описании событий, французская путешественница, скорее всего, права, оценивая г-жу Ланг как женщину незаурядную и «многим внушавшую страсть».

Известные нам высказывания Монтандона о г-же и г-не Ланг ограничиваются лишь несколькими упоминаниями в «Путеводителе...», где внимания этим «персонажам» уделяется не больше и не меньше, чем другим владельцам поместий. В «Маршруте Н» автор демонстрирует непредвзятость и, описывая Улу-Узень и Джур-Джур, замечает: «Как ни странно, но еще три года назад это место (водопад. — В. О.), — бесспорно, прекраснейшее в своем роде украшение здешних краев — было известно только татарам, и лишь случайно его обнаружил г-н Ланг, владелец этих земель». Впрочем, Монтандон четко указывает, что владения г-на и г-жи Ланг разделены. Так, в «Маршруте Е», говоря о Куру-Узени, он сообщает, что «дом, находящийся перед деревней, а также сады и виноградники у дороги принадлежат г-ну д-ру Лангу». А несколькими строками ниже добавляет: «Выезжая из Куру-Узени (сухой ручей), в начале долины, где расположена основная часть татарских садов, замечаем на южном склоне холма прекрасный виноградник Иктирмон, принадлежащий г-же Ланг». Упоминает Монтандон и об имении г-жи Ланг близ Симферополя по дороге на Бахчисарай, в 3-х верстах от города и в 5-ти верстах от деревни Чистенькой: «Имение <...> примечательно двумя большими озерами, которые питаются несколькими прекрасными источниками». Если верить П. И. Лангу, то именно здесь Июстиния Андреевна жила «под бесстыдным и пагубным влиянием развратителя Монтандона».

Однако в связи с повествованием Адели Омер де Гелль возникают новые вопросы. Почему к 1841 г. г-жа Ланг осталась в одиночестве? Где в ту пору был Монтандон? Не сработала ли при помощи Бенкендорфа схема усмирения «заблудшей жены», предложенная П. И. Лангом?

Нужно сказать, что Бенкендорф, получив жалобу П. И. Ланга, поступил в соответствии с бюрократическими правилами: он запросил информацию по этому делу у генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова. Воронцов ответил следующее:

«Дело сие точно частное и, касаясь мужа и жены, подлежит не гражданскому разбирательству, а суду духовному, к которому Ланг до сего времени вовсе не обращался, а посему и не имеет никакого права роптать на недостаточность правосудия.

Связи г-на Монтандона с г-жою Ланг мне не известны и не должны быть известны. Я часто встречаю сего иностранца в разных частях Крыма по занятиям весьма полезным и вижу его также в Одессе, куда он приезжал в последний раз для напечатания своего сочинения «Guide du voyageur en Crimée». <...> Удовлетворение

домогательства г. Ланга о высылке Монтандона за границу было бы несовместно с кротостью и справедливостью тех правил, коими постоянно пользуется наше правительство в отношении к иностранцам, <...> всячески защищая и покровительствуя тем, кто, подобно Монтандону, ведут жизнь мирную и для общества не бесполезную <...>» [4, № 33].

Заметно, что Воронцов раздражен Лангом. О скандале в семействе Лангов Воронцов не мог не слышать, тем более что Петр Иванович Ланг, судя по всему, постоянно возобновлял память об этой истории своими жалобами в разные инстанции. Но думается, что Воронцова раздосадовала не только сама по себе докучливость Ланга.

Для Воронцова культурное, курортное, сельскохозяйственное и промышленное освоение Крыма было делом искреннего, азартного, порой доходившего до «романтических затей» увлечения, на которое он потратил немало времени и сил. Между тем его энтузиазм разделяли не все. Та же Омер де Гелль писала: «Известность Южного берега берет начало от появления в Крыму графа Воронцова <...>. Граф, человек с большим вкусом, сразу же был очарован видом этой восхитительной местности и поспешил приобрести здесь несколько имений. Его примеру вскоре последовали многие помещики, которые нашли ландшафт восхитительным и прелестным, как только граф его расхвалил <...>. Многие иностранцы, одержимые настоящей лихорадкой, вложили свои капиталы в разведение виноградников — промышленность, которую тогда всеми силами поощрял граф Воронцов. Но на то была и обратная сторона медали: в большинстве они разорились и сегодня в глубокой бедности искупают легкость, которая заставила их пуститься сломя голову в безрассудные предприятия» [9, с. 206].

Очень понятно, что на фоне подобных пессимистических замечаний Воронцов должен был ценить людей, которые деятельно поддерживали его «крымский энтузиазм». И Монтандон в этом отношении воспринимался Воронцовым как единомышленник, по собственному побуждению работавший на развитие «крымской перспективы». Как указывает О. Губарь, в «Одесском вестнике» за 14 июня 1833 г. сообщалось, что «К. Г. Монтандон, предприняв поездку для составления руководства путешественникам по Крыму, открыл в имении гг. братьев Катчони, близ Карасу-Базара, значительный кряж литографических камней <...>». Тогда М. С. Воронцов, «всегда готовый ободрять предприятия, полезные для края», не просто, что называется, морально поддержал швейцарского подданного, а «доставил г-ну Монтандону средства правильно разработать кряж и устроить каменоломню в большом размере <...>» [4, № 30]. Для самого Монтандона открытие этого месторождения было делом и исследовательской, и предпринимательской гордости; в «Путеводителе...» он дважды упоминает о своей причастности к обнаружению литографического камня (в главах «Подробное предисловие о Крыме» и «Карасу-Базар»). Содействовал М. С. Воронцов и работе Монтандона над путеводителем. И. В. Тункина обращает внимание на «Очерк...» Н. Н. Мурзакевича, посвященный М. С. Воронцову, где, в частности, Монтандон упоминается среди лиц, «путешествующих с учеными целями» при спонсорстве или покровительстве М. С. Воронцова [8, с. 32].

В благодарность за поддержку Монтандон начинает «Путеводитель...» с посвящения графу М. С. Воронцову. Вряд ли это посвящение стоит расценивать лишь как обязательную учтивость по отношению к спонсору. Монтандон сознавал, что М. С. Воронцов поощрял изучение и освоение Крыма не только по долгу службы,

но и по внутреннему побуждению. Точно так же и Воронцов должен был угадывать в швейцарском купце своего искреннего сподвижника, готового рисковать капиталами в разного рода крымских экспериментах. Вышедший в 1834 г. «Путеводитель путешественника по Крыму...» не мог не утвердить Воронцова в этой мысли. Книга оказалась не просто прекрасной рекламой для полуострова, не только своеобразным отчетом о реализации крымских починов Воронцова, но и универсальным справочником, добросовестным и незаменимым руководством как для путешественников, так и для коммерсантов, промышленников. Должен был Воронцов оценить и то, что выручка от издания этой книги никак не могла покрывать расхода средств и времени, необходимых для ее составления. Дело в том, что для создания «Путеводителя...» Монтандону пришлось объездить действительно **весь** Крым, включая труднопроходимые горные дороги и лесные тропы; обойти пещеры и обширные плато яйлы; посетить и процветающие, и пришедшие в упадок хозяйственные районы. С уверенностью можно сказать, что в нынешнем цивилизованном и асфальтированном Крыму, испещренном торговыми точками и переполненном коммуникациями, найдется совсем немного людей, исходивших и изъездивших полуостров по такой плотной сетке маршрутов, какую составил швейцарский путешественник. Ясно, что в условиях той эпохи собственно странствия по Крыму должны были занять у Монтандона не один и не два года. Прибавим к этому знакомства и общение с местными жителями, торговцами, хозяевами поместий и фабрик, осуществляемый при этом сбор сельскохозяйственной, промышленной, коммерческой, этнографической, археологической и естественнонаучной информации. Не забудем о том, что Монтандону пришлось изучить редкие литературные источники о Крыме и использовать их в своем труде. Учет еще и чисто технические вопросы издания: собранную информацию следовало систематизировать, уточнить в связи с последними изменениями, наконец, изложить в доступной форме, а потом пройти цензурный комитет (разрешение цензуры дано 15 июля 1833 г.), отредактировать текст и вычитать корректуру. Если суммировать все этапы, у нас получится огромный отрезок времени, который необходим был Монтандону для создания книги. Ясно, что громадный труд и увлеченность явились весомым аргументом в пользу Монтандона, тем более что речь шла о первом в истории путеводителе по Крыму.

Что до финансовой части, то по тарифам, указанным в «Путеводителе...», мы, наверное, смогли бы высчитать, в какую сумму обошлись Монтандону транспортные расходы; наверное, можно приблизительно выяснить, какая сумма была издержана на услуги типографии. Но мы никогда не сможем узнать, например, сколько Монтандон потратил на проживание в крестьянских домах, гостиницах и на постоянных дворах, собирая сведения о различных районах, а главное — мы не сможем оценить, скольких доходов лишился торговый человек Монтандон, пока тратил время не на развитие своей коммерции, а на исследование полуострова.

Собрав все эти соображения вместе, можно утверждать, что Монтандон вел себя далеко не так, как вела и ведет себя основная часть коммерсантов, и можно понять, почему в глазах г-на Ланга он выглядел «подозрительным бродящим во-яжером» и «космополитом обеих гелиосфер». Можно, кстати, понять и г-жу Ланг, которая очертя голову, вопреки нормам своего времени, безоглядно ушла за Монтандоном... И можно понять, почему граф Воронцов в послании к Бенкендорфу так однозначно защитил Монтандона, «ведущего жизнь, для общества небесполезную».

...Не известно, заступничество ли Воронцова сыграло решающую роль или Бенкендорф не вдохновился призывами обманутого мужа-провинциала, но, кажется, санкций к Монтандону в связи со скандальной «партикулярной» историей применено не было. Во всяком случае, в архивном деле «По жалобе медика Ланга на иностранца Монтандона» каких-либо распоряжений Бенкендорфа на сей счет не имеется [4, № 1]. А как мы помним, через два года после этого дела, в 1837 г. Монтандон, находясь в Симферополе, консультировал участников демидовской экспедиции, — стало быть, за границу выслан не был. О. Губарь обращает внимание еще на одно свидетельство. В «Заметках русской путешественницы по России в 1845 году» Олимпиады Шишкиной «Путеводитель...» Монтандона упоминается, например, в таких словах: «Уже десять лет, как написал его поселившийся здесь (то есть в Крыму. — *В. О.*) швейцарец Монтандон, но до сих пор он («Путеводитель...» — *В. О.*) остается лучшею в этом роде книгою» [4, № 36]. Кажется, словосочетание «поселившийся здесь», а не «живший здесь» может быть расценено как указание на то, что в 1845 г. Монтандон находился в Крыму.

Почему же весной 1841 г. Омер де Гелль даже не упоминает о Монтандоне в связи с историей г-жи Ланг?

Ответ может дать сама же Омер де Гелль. Дело в том, что цитируемый нами текст француженки не единственное ее сочинение о Крыме.

В 1841 г. Адель Омер де Гелль путешествовала по Крыму вместе со своим супругом Ксавье, горным инженером, принятым на русскую службу для изучения Юга России. Поездка по Крыму была эпизодом путешествий по России, которые чета де Геллей предприняла в 1838–1842 гг. По итогам экспедиций супруги выпустили в Париже в 1843–45 г. трехтомное сочинение «Прикаспийские степи, Кавказ, Крым и южная Россия». Причем Ксавье признавал, что взял на себя лишь научную сторону работы, а вся «живописная часть» записок принадлежит его супруге [15]. В 1860 г. уже после смерти мужа Адель Омер де Гелль предприняла новое французское издание путешествия, куда включила с некоторыми переделками уже только свою — «живописную» — часть без всяких научных описаний: «Путешествие в прикаспийские степи и южную Россию». Это последнее сочинение, во многом ориентированное на традиции романтизма, содержащее преувеличения и использующее прием недосказанности, мы и цитировали до сих пор. Если же мы обратимся к тексту, написанному супругами в соавторстве и более напоминающему дневник путешествия, то прочтем о пребывании в поместье г-жи Лангов следующее: «Улу-Узень, куда мы добрались, — это узкая долина, выходящая к морю и принадлежащая г-же Ланг, которая покрыла ее виноградниками и фруктовыми садами. Прелестное обиталище, где г-жа Ланг проводит круглый год, на самом деле — одно из самых великолепных мест побережья. <...> У г-жи Ланг мы встретили весьма любезного человека и большого почитателя Крыма, г. Монтандона, который создал для этого края прекрасный путеводитель, к которому иностранцы спешат прибегнуть, лишь только ступят на землю Тавриды» [16].

Стало быть, проект П. И. Ланга по возвращению своей супруги на путь истинный успехом не увенчался: к 1841 г. отношения Монтандона и г-жи Ланг не были утрачены и не слишком скрывались от окружающих. Более того, эти отношения были почти узаконены общественным мнением, поскольку Июстиния Ланг решалась встречать гостей вместе с Шарлем Монтандоном.

Что касается утверждений г-на Ланга о финансовой несостоятельности швейцарца, то, учитывая особенности той эпохи и факты биографии Монтандона, вполне можно допустить, что негоциант-путешественник действительно богатством не обзавелся. Заметим, что с середины 1830-х гг. Монтандон повсюду упоминается не как успешный коммерсант, а, прежде всего, как автор «Путеводителя...». Напомним и о том, что в более раннюю пору, в 1820-х — начале 1830-х гг., Монтандон предпринимал несколько коммерческих проектов: открытие в Одессе торговых лавок, устройство морской торговой компании, экспорт хлеба, добыча крымского мрамора, порфира и литографического камня. Такое разнообразие промыслов, думается, свидетельствует о том, что эти начинания не приносили Монтандону желаемого успеха. Иначе почему он так кардинально менял направление своих коммерческих интересов?

Заметно, что за время долгих странствий по Тавриде Монтандон не утратил практической сметки. В тексте «Путеводителя...» отчетливо ощущается стремление автора иногда угадать, а чаще — разрекламировать экономическую привлекательность тех или иных достоинств полуострова: возможности прекрасного виноделия, разведения мериносовых овец, добычи камня и проч., и проч. Стратегически это был ход совершенно оправданный требованиями эпохи и продиктованный интуицией негоцианта. В то время использование крымских природных ресурсов требовало миллионных вложений, которые были не под силу ни Монтандону, ни множеству других коммерсантов-одиночек. И Монтандон указывал на это в «Путеводителе...»: «Недостаток капиталов — единственная причина, препятствующая промышленному подъему, которого столь настоятельно требует ощутимый прирост сельскохозяйственной продукции. Как только о доходах, которые можно извлечь отсюда, станет лучше известно за пределами Крыма, можно будет с уверенностью ожидать, что благоприятно расположенные города: Керчь, Феодосия, Козлов — начнут деятельность, необходимую для развития края».

Шарль Монтандон осознал, что для успешного развития экономики в Крыму следовало создать то, что у нынешних экономистов называется благоприятным инвестиционным климатом. Первый шаг к этому — создание рекламы. И Монтандон занялся делом, которое могло принести дивиденды лишь в далеком будущем, да и то не ему лично — он стал изучать Крым и систематизировать сведения о нем, чтобы написать книгу, которая привлекла бы на полуостров туристов, землевладельцев, промышленников и, как следствие, — капиталы.

Но по тексту «Путеводителя...» видно, что исследователь и первопроходец в швейцарском негоцианте зачастую побеждали расчетливого предпринимателя. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на те многочисленные моменты книги, где Монтандон настойчиво убеждает читателя посетить любопытные, но в то же время совершенно бесполезные с коммерческих позиций места: пещеры Чатырдага или Караби. А вот еще более характерный пример: в главе «Карасу-Базар» Монтандон очень бегло говорит о городе и его торговле, зато об истоках Большой Карасу, расположенных в отдалении от жилых мест, он рассказывает с нескрываемым увлечением. Он не просто описывает красоту ландшафта, но делится своими естественнонаучными наблюдениями, сделанными в разную пору года, и вступает при этом в заочный спор, существующий между Палласом и леди Кравен. Более того, Монтандон подробнейшим образом описывает некое скальное отверстие, которое он обнару-

жил у истоков Карасу и о котором «не упоминает ни один автор», зато о собственном карьере литографического камня, устроенном здесь же, сообщает лишь мельком, в постраничной сноске, да и то, акцентируя внимание не на доходности предприятия, а на своей роли первооткрывателя, обнаружившего этот горный материал. Словом, Монтандоном руководит искренний и, может быть, безотчетный энтузиазм ученого.

Однако эта деятельность, будь она хоть научной, хоть рекламной, не могла «кормить» автора, а потому ему приходилось пускаться во все тяжкие торговых и промышленных предприятий и из раза в раз убеждаться — без привлечения грандиозных капиталов от крымских предприятий прибыли ждать нельзя.

Допускаю, что, кроме добычи мрамора, порфира и литографического камня, Монтандон брался в Крыму и за сельскохозяйственные разработки. В «Путеводителе...» он последовательно внушает читателю, что выращивание мериносовых овец, посадка табака или изготовление вина способны приносить значительный доход. Вполне возможно, что Монтандон экспериментировал в этих направлениях, используя земли Июстинии Андреевны Ланг. Ведь жаловался доктор Ланг, что швейцарец «распоряжается» ее «имением по своему произволу». Вероятно и то, что Монтандон был причастен к созданию «прекрасного виноградника Иктирмон», принадлежащего г-же Ланг и расположенного близ Куру-Узени. Сведения, которые Монтандон сообщает об Иктирмоне, выглядят вполне оптимистично: «На этом винограднике площадью в восемь десятин растет 6000 лоз из заграничных питомников. Качество получаемого от них вина весьма порядочно». Но ведь верно и то, что при отсутствии рынка сбыта этот виноградник, несмотря на добротные саженцы и «порядочное» вино, мог приносить лишь убытки. И не Монтандона ли имела в виду Омер де Гелль, когда писала об иностранцах, которые «вложили свои капиталы в разведение виноградников», но «разорились и сегодня в глубокой бедности искупают легкость, которая заставила их пуститься сломя голову в безрассудные предприятия»? Это замечание француженки вполне могло основываться на сетованиях Июстинии Андреевны Ланг, которая предоставила свои земли для подобного «безрассудного предприятия».

Не стоит винить купца Монтандона в пассивности, легкомыслии или в неумении вести дела. Все факты говорят о его энергичности, предприимчивости и целеустремленности. Промышленные и сельскохозяйственные неудачи в Крыму объективно объяснялись тем, что любое предприятие требовало слишком больших капиталовложений, обещавших отдачу лишь в далеком-далеком будущем. На подобный риск мог идти Воронцов, располагавший миллионным состоянием, но этот риск почти не оставлял шансов предпринимателям средней руки вроде Монтандона.

С наибольшей вероятностью можно предположить, что Монтандон после нескольких крымских предприятий, если и не разорился вчистую, то, во всяком случае, больших денег не нажил. Приобретенные опыт и знания должны были убеждать его, что для больших и смелых экономических успехов время в Крыму еще не пришло. Степенным людям, вроде доктора Ланга, Монтандон должен был казаться «подозрительным бродящим вояжером», у которого «совершенно нет никакого способа к жизни, никакого занятия». И лишь в глазах редких путешественников и ученых, вроде участников демидовской экспедиции, купец Монтандон оставался «автором полезной книги», исследователем, чьи «суждения весьма добросовестны».

Ныне французское издание «Путеводителя...» — настоящий раритет. В Крыму сохранилось лишь три экземпляра. Один хранится в музее Бахчисарайского дворца

(этот экземпляр — из личной библиотеки доктора, приват-доцента И. М. Саркизова-Серазини), другой — в библиотеке «Таврика» (Симферополь), третий — в Научной библиотеке Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). Причем ни один из экземпляров не обладает полным набором чрезвычайно любопытных иллюстраций (18 рисунков).

Вместе с тем иллюстрации в одном из «крымских» экземпляров (что хранится в Научной библиотеке ТНУ) совершенно уникальны — они выполнены в цвете. Видимо, экземпляр книги предназначался для кого-то из «первых» особ. Точно выяснить, кому изначально принадлежал экземпляр, пока не удастся, известно лишь, что в университет книга попала в 1925 г. в качестве дара, преподнесенного местным Кружком натуралистов-краеведов Кружку востоковедения при восточном отделении вуза.

К сожалению, этот экземпляр имеет лишь 16 иллюстраций из 18. Чтобы восполнить этот досадный пробел, мы обратились за помощью к сотрудникам Всероссийского музея А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге, которые любезно предоставили нам фотокопии всех иллюстраций, не раскрашенных акварелью. Так что в переизданном в 2011 г. «Путеводителе...» мы поместили полный, но сборный (из черно-белых и раскрашенных гравюр) комплект иллюстраций из оригинального «Путеводителя...» Монтандона.

Стремясь передать читателю колорит оригинального текста, мы по возможности сохраняли авторский стиль изложения и некоторые особенности орфографии личных имен и названий. Именно поэтому читатель встречает на страницах «Чатыр-Даг», а не «Чатырдаг», как это принято ныне; «Карасу-Базар», а не «Карасубазар» и т. д.

На современные комментарии к «Путеводителю» хотелось бы обратить особое внимание читателя. Их составление началось еще в 1997 г., когда готовился фрагментарный перевод «Путеводителя...» на русский язык. С тех пор первичный вариант комментариев качественно изменился, поскольку авторы продолжили работу и предприняли специальные исследования, нацеленные на то, чтобы расширить и детализировать наше представление о Крыме первой половины XIX ст. — о Крыме эпохи Пушкина, Грибоедова, Монтандона. К этой деятельности подключился целый ряд новых специалистов, так что в подготовке настоящего издания приняли участие почти два десятка ученых. При выборе материалов предпочтение отдавалось такой информации, которая не публиковалась прежде и была получена в результате архивных поисков, полевых экспедиций, исторических, лингвистических и культурологических наблюдений. Поэтому применительно к настоящему изданию не подходит традиционное выражение «составление комментариев», в данном случае речь зачастую идет о публикации эксклюзивных авторских научных исследований, которые призваны с научной точностью объяснить старинный текст «Путеводителя...» и оживить для нас тот Крым, который только начинал открывать свои красоты и богатства просвещенному миру, тот Крым, который видел и любил А. С. Пушкин.

Литература

1. Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860) // Вестник Европы. 1898. Кн. 4. С. 511–556.
2. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена в русском тексте. Справочник. М.: Международные отношения, 1969. С. 12.
3. Губарь О. И. Пушкин. Театр. Одесса. Одесса: Киноцентр, 1993.

4. Губарь О. И. Янтарь и яхонт // Вестник региона. 1998. № 31, 33, 34, 36, 38.
5. Зленко Г. Д. Берег Пушкина. Одесса: Маяк, 1987.
6. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Симферополь: Крымский Архив, 1997.
7. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев: Стилос, 2011.
8. Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1860.
9. Орехов В. В. Французенка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму // Историческое наследие Крыма. № 8. Симферополь: АнтикВА, 2004. С. 183–215.
10. Орехова Л. А. Мистификация литературная — мистификация биографическая (из наблюдений над прозой Н. И. Надеждина) // Науковий вісник ІДУ. Вип. 18. Ізмаїл, 2005. С. 113–119.
11. Путешествия по южным областям России. Дюбуа де Монпере. Демидова. (б. п.) // Библиотека для чтения. 1840. № 4. С. 221–222.
12. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 16 т. М.-Л., 1937–1949. Т. 15. С. 122, 323.
13. Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1039, 1042, 1133.
14. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб, 2002.
15. Grève Clod de. Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIII et XIX siècles. Paris: Robert Laffont, 1990. P. 1250.
16. Hommaire de Hell Xavier, [Hommaire de Hell Adèle]. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. Paris. Т. II. 1845. P. 478–479.
17. Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. Odessa, 1834.